

Последний сын вольности

Автор:

Михаил Лермонтов

Последний сын вольности

Михаил Юрьевич Лермонтов

«Бывало, для забавы я писал,

Тревожимый младенческой мечтой;

Бывало, я любовью страдал,

И, с бурною пылающей душой,

Я в ветренных стихах изображал

Таинственных видений милый рой.

Но дни надежд ко мне не придут вновь,

Но изменила первая любовь!...»

Михаил Юрьевич Лермонтов

Последний сын вольности

Посвящается (Н. С. Шеншину)

1

Бывало, для забавы я писал,
Тревожимый младенческой мечтой;
Бывало, я любовью страдал,
И, с бурною пылающей душой,
Я в ветренных стихах изображал
Таинственных видений милый рой.
Но дни надежд ко мне не придут вновь,
Но изменила первая любовь!..

2

И я один, один был брошен в свет,
Искал друзей – и не нашел людей;
Но ты явился: нежный твой привет
Завязку снял с обманутых очей.
Прими ж, товарищ, дружеский обет,
Прими же песню родины моей,
Хоть эта песнь, быть может, милый друг, —
Оборванной струны последний звук!..

*

When shall such hero live again?

The Ciacour. Byron[1 - Когда такой герой будет жить вновь?Гяур. Байрон.
(Англ.)]

Приходит осень, золотит
Венцы дубов. Трава полей
От продолжительных дождей
К земле прижалась; и бежит
Ловец напрасно по холмам:
Ему не встретить зверя там.
А если даже он найдет,
То ветер стрелы разнесет.
На льдинах ветер тот рожден,
Порывисто качает он
Сухой шиповник на берегах
Ильменя. В сизых облаках
Станицы белых журавлей
Летят на юг до лучших дней;
И чайки озера кричат
Им вслед, и вьются над водой,
И звезды ночью не блестят,
Одетые сырою мглой.

Приходит осень! уж стада
Бегут в гостеприимну сень;
Краснея догорает день
В тумане. Пусть он никогда
Не озарит лучом своим
Густой новгородский дым,
Пусть не надуется вовек
Дыханьем теплым ветерка
Летучий парус рыбака
Над волнами славянских рек!
Увы! пред властью чужой
Склонилась гордая страна,
И песня вольности святой
(Какая б ни была она)
Уже забвенью предана.
Свершилось! дерзостный варяг
Богов славянских победил;
Один неосторожный шаг
Свободный край поработил!
Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнаныи дальнем и глухом,
Как вольность пробудить опять;

Отчизны верные сыны

Еще надеждою полны:

Так, меж грядями темных туч,

Сквозь слезы бури, солнца луч

Увеселяет утром взор

И золотит туманы гор.

На небо дым валит столбом!

Откуда он? Там, где шумит

Поток сердитый, над холмом,

Треща, большой огонь горит,

Пестреет частый лес кругом.

На волчьих кожах, без щитов,

Сидят недвижно у огня,

Молчанье мрачное храня,

Как тени грусти, семь бойцов:

Шесть юношей – один старик.

Они славяне! – бранный клик

Своих дружин им не слышать,

И долго, долго не видать

Им милых ближних... но они

Простились с озером родным,

Чтоб не промчались их дни

Под самовластием чужим,

Чтоб не склоняться вечно в прах,

Чтоб тени предков, из земли
Восстав, с упреком на устах,
Тревожить сон их не пришли!..

О! если б только Чернобог
Удару мщения помог!..

Не равная была борьба...

И вот война! и вот судьба!..

«Зачем я меч свой вынимал,

И душу веселила кровь? —

Один из юношей сказал. —

Победы мы не встретим вновь,

И наши имена покрыть

Должно забвенью, может быть;

И несвершенный подвиг наш

Изгладится в умах людей:

Так недостроенный шалаш

Разносит буйный вихрь степей!»

«О! горе нам, — сказал другой, —

Велик, ужасен гнев богов!

Но пусть и на главу врагов

Спадет он гибельной звездой,

Пусть в битве страх обымет их,

Пускай падут от стрел своих!»

Так говорили меж собой

Изгнанники. Вот встал один...
С руками, сжатыми крестом,
И с бледным пасмурным челом
На мглу волнистую долин
Он посмотрел, и, наконец,
Так молвил старику боец:
«Подобно ласке женских рук,
Смягчает горе песни звук,
Так спой же, добрый Ингелот,
О чем-нибудь! о чем-нибудь
Ты спой, чтоб облегчилась грудь,
Которую тоска гнетет.
Пой для других! моя же месть
Их детской жалобы сильней:
Что было, будет и что есть,
Всё упадает перед ней!»
«Вадим! – старик ему в ответ, —
Зачем не для тебя?.. иль нет!
Не надо! чт? ты вверил мне,
Уснет в сердечной глубине!
Другую песню я спою:
Садись и слушай песнь мою!»

И в белых кудрях старика
Играли крылья ветерка,

И вдохновенный взор блеснул,
И песня громко раздалась.
Прерывисто она неслась,
Как битвы отдаленный гул.
Поток, вблизи холма катясь,
Срывая мох с камней и пней,
Согласовал свой ропот с ней,
И даже призраки бойцов,
Склонясь из дымных облаков,
Внимали с высоты порой
Сей песни дикой и простой!

Песнь Ингелота

1

Собрались люди мудрые
Вкруг постели Гостомысловой.
Смерть над ним летает коршуном!
Но, махнувши слабою рукой,
Говорит он речь друзьям своим:

2

«Ах, вы люди новгородские!
Между вас змея-раздор шипит.
Призовите князя чуждого,
Чтоб владел он краем родины!» —
Так сказал и умер Гостомысл.

3

Кривичи, славяне, весь и чудь
Шлют послов за море синее,
Чтобы звать князей варяжских стран.
«Край наш славен – но порядка нет!»
Говорят послы князьям чужим.

4

Рурик, Трувор и Синав клялись
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов
Сквозь синеющий туман морской!..

5

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

6

Тридцать юношей собираются,
Мечь в душе, в глазах отчаянье...
Ночи мгла спустилась на холмы,
Полный месяц встал, и юноши
В спящий стан врагов являются!

7

На щиты склонясь, варяги спят,
Луч луны играет по кудрям.
Вот струею потекла их кровь,
Гибнет враг – но что за громкий звук?
Чье копьё ударилось о щит?

8

И вскочили пробужденные,
Злоба в крике и движениях!
Долго защищались юноши.
Много пало... только шесть осталось.
Мир костям убитых в поле том!

9

Княжит Рурик в Новгороде,
В диких дебрях бродят юноши;
С ними есть один старик седой —
Он поет о родине святой,
Он поет о милой вольности!

*

«Ужель мы только будем петь,
Иль с безнадежием немым
На стыд отечества глядеть,
Друзья мои? – спросил Вадим. —
Клянусь, великий Чернобог,
И в первый и в последний раз:

Не буду у варяжских ног,
Иль он, иль я: один из нас
Падет! в пример другим падет!..
Молва об нем из рода в род
Пускай передает рассказ;
Но до конца вражда!» – Сказал,
И на колена он упал,
И руки сжал, и поднял взор,
И страшно взгляд его блестел,
И темнокрасный метеор
Из тучи в тучу пролетел!

И встали, и пошли они
Пустынной узкою тропой.
Курился долго дым густой
На том холме, и долго пни
Трещали в медленном огне,
Маня беспечных пастухов,
Пугая кроликов и сов
И ласточек на вышине!..

Скользнув между вечерних туч,
На море лег кровавый луч;
И солнце пламенным щитом
Нисходит в свой подводный дом.
Одни варяжские струи,

Поднявши головы свои,
Любуясь на его закат,
Теснятся, шепчут и шумят;
И серна на крутой скале,
Чернея в отдаленной мгле,
Как дух недвижима, глядит
Туда, где небосклон горит.

Сегодня с этих берегов
В ладью ступило семь бойцов:
Один старик, шесть молодых! —
Вадим отважный был меж них.
И белый парус понесло
Порывом ветра, и весло
Ударилось о синий вал.
И в той ладье Вадим стоял
Между изгнанников-друзей,
Подобный призраку морей!
Что думал он, о чем грустил,
Он даже старцу не открыл.
В прощальном, мутном взоре том

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Когда такой герой будет жить вновь?

Гяур. Байрон. (Англ.)

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/mihail-lermontov/posledniy-syn-vol-nosti>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)